

УДК 341.01:159.9.01

А. А. Мережко

ТИПОЛОГИЯ НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В СВЕТЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ПРАВА

Психологическая теория права дает нам возможность по-новому посмотреть на многие проблемные вопросы теории и практики современного международного права (далее — МП). Одним из таких вопросов является типология норм МП.

В своей психологической теории права Л. Й. Петражицкий выделяет четыре вида права: 1) интуитивное право; 2) позитивное право; 3) официальное право; 4) неофициальное право. Рассмотрим эти виды права в рамках МП.

Интуитивное и позитивное международное право

В своей теории Петражицкий определяет интуитивное права в качестве правовых (императивно-атрибутивных) переживаний, которые чужды ссылок на внешние авторитеты, независимы от них [3, 75]. Этому интуитивному праву Петражицкий противопоставляет такие правовые переживания, которые содержат в себе представления нормативных фактов, т.е. ссылку на некий внешний авторитет. Поэтому интуитивное право, по Петражицкому, является автономным, а позитивное — гетерономным. По его мнению, МП, в его традиционном понимании, является позитивным правом. Здесь очень важно подчеркнуть, что позитивное право в теории Петражицкого ни в коей мере нельзя отождествлять с понятием позитивного права в теории и философии права. Если в теории и философии права позитивное право — это продукт государства, то в психологической теории права позитивное право — это разновидность психических переживаний индивида.

Итак, у каждого индивида есть свое личное представление о праве, свое личное интуитивное право. Вступая в контакт с другим индивидом, так же имеющим свое интуитивное право, первый индивид обнаруживает, что его интуитивное право может частично покрываться с интуитивным правом другого индивида, а частично не покрываться с ним. Если общее интуитивное право создает необходимую психологическую основу для мирного взаимодействия и сотрудничества между двумя индивидами, то различие и противоречия в их представлениях о праве создают потенциал для конфликтов.

Общее интуитивное право между несколькими индивидами будет тем большим, чем более похожи психологически эти индивиды и чем более близки их мировоззрение и жизненный опыт. Факторами, сближающими психологическое представление о праве различных людей, является, в частности, их общий психотип, а также близкая идентичность, например принадлежность к одной и той же социальной группе.

В процессе решения международных споров международное интуитивное право может выступать в образе общих принципов права, принципа справедливости, а также в образе *ex aequo et bono*.

О значимости интуитивного МП в международной судебной практике говорит и тот факт, что в ней отсутствует доктрина *non liquet*, согласно которой международный суд должен отказаться от решения дела, если вследствие пробела в МП отсутствует норма, позволяющая решить данное дело [7, 442]. Так, ст. 42 (2) Конвенции об урегулировании инвестиционных споров между государствами и гражданами других государств 1965 г. предусматривает, что «арбитраж не вправе выносить неопределенные решения (решения *non liquet*), ссылаясь на отсутствие или неясность правовых норм». Фактически это означает, что международные суды в случае отсутствия или неясности правовых норм могут выносить решения на основе интуитивного МП.

Можно смело сказать, что интуитивное право является непременным компонентом процесса применения норм права вообще и норм МП в частности. Дело в том, что законодатель, формулируя содержание правовых предписаний, практически всегда, вольно или невольно, оставляет определенный простор для тех, кто применяет право. Другими словами, у лиц, применяющих право, всегда остается определенный объем усмотрения (дискреции) в процессе правоприменения. Именно в области этого усмотрения и проявляется интуитивное право. Оно также проявляется в процессе восполнения пробелов в правовом, в том числе международно-правовом, регулировании.

Официальное международное право

Согласно учению Петражицкого, явления правовой психики можно поделить на два вида: 1) те явления, которые заслуживают и требуют официальной поддержки и защиты со стороны государственной власти; 2) явления правовой психики, которые не заслуживают и не требуют официальной поддержки со стороны государственной власти и которые должны встречать отрицательное отношение и преследование со стороны этой власти в силу ее долга служения общественному благу (например, преступное право) [7, 221].

Сообразно с этим развитием государственной власти и организации, считает Петражицкий, внутри государственного союза происходит дифференциация права, его разделение на две категории: 1) на право, подлежащее применению и поддержке со стороны представителей государственной власти, по долгу их общественного служения, и 2) право, лишенное такого значения в государстве [7, 221].

Первый вид права Петражицкий называет официальным правом, а второй — неофициальным правом.

Вместе с тем в свое время Петражицкий отрицал наличие официального права в МП. Как писал Петражицкий, «указанного деления права на две категории и развития официального права с его преимуществами не существует в сфере правовых отношений между государствами, в области т.н. международного права, определяющего взаимные права и обязанности между самостоятельными и друг от друга независимыми социальными организациями — государствами. Так как над государствами нет высшего начальства на земле, нет общей законодательной власти, которая могла бы издавать обязательные для государств законы, сортировать соответственное право по важности, культур-

ности и некультурности и т.д. и определять, какое право в каких областях должно иметь решающее значение, нет исполнительной власти, которая могла бы доставлять высшую коллективную силу праву против неправды, не допуская между государствами самоуправных насилий, самосуда и кровавых (военных) расправ, и т.д., то международное право лишено указанных выше ценных преимуществ официального права; оно является правом низшего свойства по сравнению с официальным правом» [7, 221–222].

В теории Петражицкого дихотомия интуитивное и позитивное право возникает с точки зрения индивидуальной психики, сознания индивида, а дихотомия официальное и неофициальное право — с точки зрения общества и представителей власти в этом обществе. Отсюда следует, что о появлении официального права можно говорить тогда, когда в определенном сообществе появляются органы власти, пусть даже в зачаточном состоянии, которые способны осуществлять селекцию полезных и неполезных с точки зрения общественного интереса явлений правовой психики. В этом отношении в международном сообществе на сегодняшний день уже сформировались своеобразные органы власти, стоящие над государствами. Прежде всего, под такими органами международной власти мы имеем в виду СБ ООН, чьи резолюции имеют юридически обязательный характер, органы «международной судебной власти» (например, Международный Суд ООН, Международный уголовный суд и т.д.), а также органы некоторых международных организаций. Хороший пример международной организации, в которой сформировалась система органов надгосударственной (наднациональной) власти — Европейский Союз, который все более напоминает федеративное государство.

Таким образом, исходя из сказанного, мы с полным основанием можем констатировать, что и в МП должно существовать и существует свое официальное право.

При этом официальное МП может быть двух видов: 1) внутреннее официальное МП и 2) внешнее официальное МП.

Внутреннее (государственное) официальное МП — это то право, которое признается и поддерживается в качестве МП, подлежащего применению, органами государственной власти и судебными органами определенного государства.

Так, например, украинские суды, согласно конституции Украины, должны применять в качестве «части национального законодательства» те международные договоры, которые были заключены от имени Украины и согласие на обязательность которых было дано Верховной Радой Украины. Массив этих договоров составляет «договорное право Украины».

В свою очередь, внешнее официальное МП — это то МП, которое признается и применяется международными судами и международными организациями. В конце концов, юрист-международник, например судья международного суда, видит это право иначе, чем судья национального суда, воспитанный в лоне национального права и воспринимающий правовую реальность в категориях национального права. Именно поэтому судьям украинских судов с таким трудом дается понимание того, что свои решения, затрагивающие вопросы Ев-

ропейской конвенции по правам человека, они могут и должны решать с учетом прецедентного права Европейского суда по правам человека, ссылаясь в своих решениях на решения этого суда.

Как видим, внешний и внутренний образ МП может отличаться друг от друга и даже приходиться в противоречие друг с другом. Одна из задач политики МП состоит в том, чтобы привести эти образы в максимальное соответствие, чтобы национальные суды не рассматривали МП как нечто чуждое.

Проблема императивных норм международного права и обязательств *erga omnes* в психологической теории права

Если в традиционном МП считалось, что МП является исключительно диспозитивным правом, т.е. государства связаны лишь теми нормами, на которые они дали свое согласие (явно или подразумеваемым образом), то во второй половине XX века в теории и практике МП появляются две концепции, предполагающие наличие в международном правопорядке определенных норм и обязательств, имеющих объективный характер, т.е. не зависящих от воли государств. Речь идет об императивных принципах МП и обязательствах *erga omnes*.

Концепция императивных норм МП впервые была зафиксирована в ст. 53 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. («Договоры, противоречащие императивной норме общего международного права (*jus cogens*)»), согласно которой: «Договор является ничтожным, если в момент заключения он противоречит императивной норме общего международного права. Поскольку это касается настоящей Конвенции, императивная норма общего международного права является нормой, которая принимается и признается международным сообществом государств в целом как норма, отклонение от которой недопустимо и которая может быть изменена только последующей нормой общего международного права, носящей такой же характер».

Однако, как правильно отмечает Энтони Ауст, «когда-то эта концепция была спорной. Теперь же остается неясным ее содержание и применимость. Не существует согласия относительно критериев идентификации критериев, какие именно принципы общего международного права имеют императивный характер: все зависит от конкретной природы определенного предмета. Возможно, единственными общепризнанными примерами *jus cogens* являются запреты на использование силы (как это зафиксировано в Уставе ООН) и геноцид, рабство и пытки. <...> Было бы неправильно предполагать, что все положения договоров по правам человека, такие как надлежащая правовая процедура, представляют собой *jus cogens* или даже нормы международного обычного права» [7, 11].

Концепция обязательств *erga omnes* была сформулирована Международным Судом ООН в решении по делу о Барселонской компании в 1970 г. следующим образом: «...Следует проводить существенное различие между обязательствами государства в отношении международного сообщества как целого и теми, которые возникают в отношении другого государства... В силу самой своей природы первые представляют интерес для всех государств. Ввиду важности затрагиваемых прав все государства могут рассматриваться как обладающие

юридическим интересом в их защите; они являются обязательствами *erga omnes*. Такие обязательства, например, вытекают в современном международном праве из запрещения актов агрессии и геноцида, а также из принципов и норм относительно основных прав человека, включая защиту от рабства и расовой дискриминации. Некоторые из соответствующих прав защиты вошли в общее международное право... Другие были созданы международными актами универсального или квазиуниверсального характера).

Не вполне ясно, каково соотношение между обязательствами *erga omnes* и императивными нормами *jus cogens*. Так, например, Энтони Ауст полагает, что обязательства *erga omnes* включают в себя нормы *jus cogens* и важные права человека [7, 11]. При этом он также пишет о том, что некоторые договоры создают статус или режим *erga omnes*, имея в виду договоры, предусматривающие демилитаризацию или нейтрализацию определенных территорий (например, открытый космос), свободу навигации в международных водах (например, режим Суэцкого канала), а также специальный режим для определенных районов (например, Антарктика) [7, 11].

Польские авторы Ремигиуш Бежанек и Януш Сымонидес, говоря о нормах *jus cogens*, включают сюда еще такие нормы, как запрет на вмешательство во внутренние дела других государств, принцип свободы открытого моря, а также предписания морального и гуманитарного содержания, такие как запрет на убийство военнопленных, запрет торговли рабами, женщинами и детьми [8, 97].

Однако с логической точки зрения трудно согласиться с тем, что обязательств *erga omnes* включают в себя нормы *jus cogens*, поскольку понятия «норма» и «обязательство» являются явлениями разного порядка. К тому же нормы являются источником обязательств. Обязательства вытекают из норм, а не наоборот.

Вместе с тем, сопоставляя понятия обязательств *erga omnes* и норм *jus cogens*, мы видим у них нечто общее. Во-первых, они содержат в себе понятие международного сообщества. Во-вторых, перечень примеров этих явлений права в значительной мере совпадает. В-третьих, как можно заметить, оба явления в основном состоят из запретов нравственного порядка.

Таким образом, с точки зрения психологической теории права особенностями обязательств *erga omnes* и норм *jus cogens* является то, что в состав соответствующих императивно-атрибутивных переживаний, связанных с ними, входит представление о международном сообществе как особом субъекте права, в отношении которого человек несет определенные обязанности. Кроме того, с эмоциональной точки зрения, данные психические переживания усиливаются тем, что запреты, лежащие в основе обязательств *erga omnes* и норм *jus cogens*, имеют двойственную психологическую природу: не только правовую, но также нравственную. Нарушая обязательства *erga omnes* и нормы *jus cogens*, человек тем самым нарушает также и нормы нравственности, нормы международной морали.

В литературе по МП иногда высказывается мнение, что обязательства *erga omnes* и нормы *jus cogens* в определенном смысле представляют собой аналог

публичного порядка в национальном праве, обеспечивая интересы международного сообщества в целом. Рассматривая эти явления в таком ракурсе, следует иметь в виду, что публичный порядок в национальном праве включает в себя такой сегмент, как мораль, а с точки зрения психологической теории права является выражением интуитивного права, позволяющего судье отказать в применении нормы официального или позитивного права, если эта норма противоречит его интуитивно-правовым представлениям о праве и справедливости. Аналогичную роль могут играть обязательства *erga omnes* и нормы *jus cogens* в международном судопроизводстве.

Проблема «мягкого права» (soft law)

В доктрине МП не существует единства мнений по поводу того, чем является так называемое «мягкое право», а также существует ли оно вообще. Так, например, по мнению одних авторов, источником норм «мягкого права» являются решения (резольюции) международных организаций и организаций, не имеющих юридически обязательного характера [6, 20]. При этом иногда даже указывается на то, что могут существовать международные документы, находящиеся на границе МП и «мягкого права». В качестве примера такого документа приводится Декларация принципов МП 1970 г. Данная резолюция по форме, будучи принята в виде резолюции ГА ООН, носит рекомендательный характер, однако ее предмет (основные принципы МП) представляет собой МП в полном смысле этого слова [6, 20]. То же самое можно сказать и о Всеобщей декларации прав человека 1948 г., которая была принята в виде резолюции ГА ООН.

Другие авторы видят в «мягком праве» международные документы, которые их создатели не считают международными договорами. Такого рода международные документы могут носить название «Декларация», «Принципы», «Кодекс поведения», «Рекомендации», «Программа» и т.п. По сути, речь идет о международных соглашениях, обладающих морально-политической, а не юридической силой.

Профессор И. И. Лукашук считает, что термин международное «мягкое» право используется для обозначения двух различных явлений: 1) Особый вид международно-правовых норм, не порождающих четких прав и обязанностей (для этих норм характерны нечеткие формулировки типа: «добиваться», «стремиться», «принимать необходимые меры» и т.п.); 2) Неправовые международные нормы, содержащиеся в неправовых актах (в резолюциях международных организаций, в совместных заявлениях, коммюнике и т.д.) [2, 32].

Смысл «мягкого права» состоит в том, что оно, располагаясь в «серой зоне» между правом и неправом, используется тогда, когда стороны не готовы взять на себя четкие и определенные обязательства. В этом плане оно может выполнять функцию доправового регулирования.

С точки зрения психологической теории права «мягкое право» является правом, если из него с достаточной степенью ясности можно вывести права и обязанности. Единственной особенностью «мягкого права» является то, что стороны здесь сознательно используют фикцию не считать нормы этого права полноценным МП. Тем не менее с течением времени эта фикция может поте-

рять свое значение, что имело место в случае Всеобщей декларации прав человека 1948 г. и Декларации основных принципов МП 1970 г.

Коллизии в международном праве

С учетом существования различных видов МП на практике могут возникать коллизии между этими видами МП. Данные коллизии возникают в сознании индивида, и их решение зависит от того, в сознании кого именно они возникают. Назовем основные виды этих коллизий: 1) коллизии между интуитивным и официальным МП, поскольку интуитивное и официальное право могут частично соответствовать друг другу и частично противоречить друг другу; 2) коллизии между интуитивным МП и позитивным МП, поскольку, например, интуитивное право судьи может противоречить позитивному МП, связанному с международным договором или обычаем; 3) коллизии между различными нормами позитивного права, связанные с различными нормативными фактами (например, коллизия между нормой договорного и обычного права в МП); 4) коллизии между внутренним официальным МП и внешним официальным МП.

Правосознание должно каким-то образом решать для себя такие коллизии. Как нам представляется, решение таких коллизий осуществляется на основе той иерархии права, которая сложилась в сознании субъекта, принимающего решение. Так, например, в сознании одного из субъектов интуитивное право находится выше, нежели требования официального права, тогда как в сознании другого, наоборот, примат принадлежит официальному праву. Здесь как раз проявляется влияние философско-правового мировоззрения того или иного индивида: сторонник юридического позитивизма будет склонен отдавать предпочтение официальному праву, а сторонник естественного права — интуитивному праву.

Говоря о коллизиях между внутренним и внешним официальным МП, следует отметить, что судья национального суда, скорее отдаст предпочтение внутреннему официальному МП, а судья международного суда — внешнему официальному МП.

Проблема единства и многообразия международного права

Современная наука МП исходит из утверждения о том, что МП, в отличие от национального права, представляет собой единый универсальный правопорядок, представления о котором должны быть одинаковы во всех государствах. Однако с практической точки зрения это утверждение не столько описывает реальное положение вещей, сколько является пока еще недостижимой целью, к которой стремится человеческое общество. На самом деле, образов МП существует столько, сколько существует человеческих сознаний, задумывающихся над проблематикой этого права. Кроме того, индивидуальные представления о МП группируются в его социально-психологические коллективные образы. Так, свой образ МП существует у каждой социальной группы (народ, правовая культура, государство, цивилизация). Причем эти образы постоянно меняются с течением времени.

В традиционной теории МП выделяют несколько видов этого права, что уже свидетельствует о его многообразии. Среди этих видов, в частности, такие как:

универсальное МП, региональное МП и партикулярное МП. Вместе с тем говорится и об общем МП, которое, по идее, должно быть единообразным для всех государств. Однако и это общее МП в действительности существует в виде множества образов, которые не всегда совпадают друг с другом. Собственно говоря, если бы было иначе, т.е. если бы существовало единое представление о МП, тогда было бы гораздо меньше разногласий между государствами международно-правового характера.

Итак, МП хотя и стремится к единству, однако в реальности многообразно. Именно поэтому для МП так важна унификация и наличие, как говорил Петражицкий, унификационного правового шаблона. В области международных отношений таким унификационным правовым шаблоном Петражицкий считал позитивное МП, основанное главным образом на международных договорах и обычаях [3, 239]. Особую роль в формировании единого, унифицированного МП Петражицкий отводил международной юриспруденции, т.е. науке МП. При этом он подчеркивал, что юриспруденция по точной фиксированности объема своих понятий, по строгой дедуктивной последовательности своего мышления и доказательности своих положений должна походить на математику [3, 237].

Вот что пишет Петражицкий по поводу международной юриспруденции и ее роли в области унификации МП: «Сообразно своей общей социальной функции, юриспруденция обрабатывает в направлении дополнения и совершенствования унификации это, позитивное, право (т.е. позитивное МП. — *А. М.*); и только соответственную единую, на подлежащих нормативных фактах основанную, систему правовых положений она признает обязательною системою международного права или просто «международным правом». Что же касается таких или иных индивидуальных мнений, отличных по содержанию от подлежащих правовых положений и вообще основанных на подлежащих нормативных фактах (в том числе интуитивно-правовых мнений), то международно-правовая юриспруденция, сообразно своему унификационному назначению и соответственным тенденциям и привычкам мышления, игнорирует их или отвергает, как нечто постороннее, не имеющее юридического значения, не относящееся к праву (т.е. к разрабатываемому ею и единственно признаваемому обязательным и решающим правовому шаблону). Поскольку какое-либо государство не захотело бы признавать и соблюдать установившийся международно-правовой обычай, противопоставляя ему свое иное (интуитивно-правовое) убеждение, ученые сказали бы, что взгляды данного участника международных отношений, непризнание подлежащей обязанности или т.п. с его стороны, противоречит международному праву, юридического значения не имеют, и т.д.» [3, 239].

Как видим, Петражицкий признавал существование интуитивного МП, хотя, к сожалению, не раскрыл в достаточной мере это интересное и важное понятие психологической теории права.

Что касается международной юриспруденции, либо науки МП, то в ней наблюдаются следующие интересные закономерности.

Во-первых, если мы говорим о едином МП, то должна существовать и единая наука этого права, которая бы носила подлинно международный характер. Однако на практике мы видим нечто иное — существование множества национальных школ МП, чье влияние отнюдь не одинаково.

Во-вторых, национальная школа МП является выражением интуитивного МП данного государства.

В-третьих, влияние той или иной национальной школы МП, как правило, зависит от влияния данной страны на мировой арене. Национальная школа МП — это своего рода «мягкая сила» (*soft power*), используемая в качестве идеологического средства борьбы за «умы и сердца» людей в мировой политике.

В-четвертых, в современном мире доминирует англосаксонская школа МП, которая зачастую просто игнорирует другие национальные школы МП. Чтобы убедиться в этом, достаточно просмотреть библиографические источники наиболее «популярных» научных монографий по МП на английском языке. В них сразу бросается в глаза, что львиная доля источников — это работы англосаксонских авторов, написанные на английском языке. Современные «корифеи» науки МП практически не утруждают себя анализом работ по МП, написанных на других языках, либо представляющих взгляды представителей иных, незападных правовых культур. В общем и целом состояние современной мировой науки МП отражает культурно-политическую гегемонию США и их союзников.

Публичный и частный элементы в международном праве

В каждой системе права содержится две подсистемы — подсистема публичного и подсистема частного права. Причем публичное право можно уподобить вертикали, поскольку в его основе находится иерархически организованная система правоотношений, тогда как частное право представляет собой горизонталь правоотношений, строящихся на основе принципов свободы и равенства. Если основу публичного права составляют нормы императивного права, то основа частного — диспозитивное право. Еще одним важным критерием, позволяющим разграничить частное и публичное право, является способ создания норм права. Если нормы частного права создаются самими субъектами права, то нормы публичного навязываются субъектам сверху, стоящей над ними властью. С психологической точки зрения в правовых переживаниях публичного характера присутствует представление об органе власти, который сформулировал данную норму и заинтересован в ее реализации.

Надо признать, что МП в целом более напоминает частное право, поскольку исторически оно, по выражению профессора И. И. Лукашука, являлось «безбрежно диспозитивным» и его основу составляли нормы, созданные путем согласия государств. Вместе с тем в современном МП присутствует также публично-правовой элемент, свое публичное право в виде, прежде всего, императивных норм (*jus cogens*) и обязательств *erga omnes* (т.е. обязательств государств по отношению к сообществу государств в целом). Причем в МП нет четкого перечня этих норм и обязательств. Главную роль в определении того, какие именно нормы относятся к императивным, а какие обязательства к *erga omnes* принадлежит международным судам, в первую очередь Международно-

му Суду ООН. Поэтому не случайным является тот факт, что именно Международный Суд ООН впервые сформулировал в одном из своих решений концепцию *erga omnes*.

К области публичного права в МП следует также отнести институт общего наследия человечества (*common heritage of mankind*).

Международное и естественное право

В первоначальный период развития науки МП достаточно длительное время это право отождествлялось с естественным правом, поскольку отношения между государствами рассматривались в качестве отношений, пребывающих в «естественном» состоянии. Позднее в науке МП это право начинает рассматриваться как право, состоящее из двух элементов: 1) естественно-правовой основы МП и 2) позитивно-правовой надстройки МП.

Несколько упрощая, можно сказать, что главное отличие естественного от позитивного права состоит в том, что если позитивное право представляет собой нечто созданное искусственно (как правило, это право, созданное волею человека, *man made law*), то естественное право — это право объективное в том смысле, что оно имеет вневременной, неизменный и универсальный характер, т.е. не зависит не только от воли человека, но также и воли самого Бога. Кстати говоря, некоторые авторы в этой связи говорили о позитивном божественном праве, подразумевая при этом нормы (как правило, запреты), временно установленные Богом (например, запрет, данный Адаму и Еве, срывать плоды с дерева познания добра и зла либо запреты Ветхого Завета относительно потребления некоторых видов пищи).

С психологической точки зрения здесь уместно говорить о естественном праве как о тех правилах поведения, которые представляются сознанию человека в качестве естественных, само собой разумеющихся. Довольно часто в качестве естественного права видели нормы обычного права, сформировавшиеся с незапамятных времен, либо «естественные» права человека.

Следует отметить, что сама идея естественного права прошла определенную эволюцию. Если вначале источник естественного права видели в Боге, то позднее, под влиянием эпохи просвещения, источник естественного права начинают видеть в природе (отсюда одно из названий естественного права — «право природы»). Затем источником естественного права провозглашают «природу человека». Трудность, однако, состоит в том, что в философии и науке не существует единого понимания природы человека. Так, например, американские авторы Лесли Стивенсон и Давид Хаберман выделяют, по крайней мере, десять основных концепций человеческой природы [9].

Таким образом, мы можем говорить о существовании трех основных концепций естественного права: 1) теоцентрической; 2) природоцентрической (натуроцентрической); 3) антропоцентрической.

Поворотным пунктом в истории развития естественно-правовой теории МП стал Нюрнбергский трибунал, который, по мнению многих юристов-международников, ознаменовал возрождение естественного права после длительного периода господства юридического позитивизма в теории и практике МП. Как

отмечает российский автор В. В. Пустогаров, «именно на нормы естественного права опирался Нюрнбергский трибунал при определении виновности нацистского военного командования. Своим приговором он подтвердил непреходящее значение естественного права как основы современного международного права» [4].

В XX веке естественное право утвердилось в теории и практике права в виде «естественных неотъемлемых прав и свобод человека».

Важно иметь в виду, что позитивистская концепция МП, трактующая его как межгосударственное право, с психологической точки зрения несет в себе определенную угрозу правам человека. Ставя на первое место не человека, а государство и его интересы («государствоцентризм»), эта теория обосновывает необходимость принесения в жертву абстрактной идее государства конкретных людей и их прав. Для позитивистской концепции МП человек — не субъект, а всего лишь объект, зависимый от произвола воли государств.

В отношении концепции естественного права теория права оказалась перед неразрешимой дилеммой: с одной стороны, как показал опыт Второй мировой войны, помимо позитивного права, созданного человеком (так называемое «man made law»), должно существовать еще нечто, стоящее над этим правом и имеющее непреходящее значение, служащее своего рода эталоном позитивного права; однако, с другой стороны, кажется невозможным дать четкое определение конкретного содержания естественного права с учетом чрезмерного многообразия его концепций.

Естественно-правовая аргументация вполне могла служить для обоснования диаметрально противоположных взглядов. Не случайно Альф Росс говорил о естественном праве как о доступной всем потаскухе, а Форстхофф отмечал, что при помощи естественного права можно аргументировать даже необходимость газовых камер Освенцима [1, 210].

По всей видимости, лишь психологическая теория права Петражицкого позволила подвести устойчивый научный фундамент под теорию естественного права. В своем учении Петражицкий, по существу, поставил знак равенства между естественным правом и интуитивным правом. Вместе с тем психологическая концепция естественного права отнюдь не отменяет вопроса относительно естественно-правового идеала, поскольку представление об идеальном устройстве общества, о всеобщей справедливости является мощным психологическим фактором, движущим поведением человека и масс.

Современным примером практического применения одного из вариантов естественного права является так называемая «формула Радбруха», названная так по имени ее создателя немецкого мыслителя и философа права Густава Радбруха, который под впечатлением ужасов нацизма и его «права» изменил свое философско-правовое мировоззрение с позитивистского на естественно-правовое. Согласно «формуле Радбруха», выраженной в его известной статье «Законное неправое и надзаконное право» (1946), норма права не является обязательной, если она вопиющим образом нарушает основные нормы морали (*lex iniustissima non est lex*) [5, 228–238]. Такая норма не обладает достоинством

права, должна быть отброшена, и тем самым граждане не должны ей подчиняться, а государственная администрация и суды не должны ее применять. На эту философско-правовую формулу неоднократно ссылался Федеральный Конституционный суд Германии в своих решениях, связанных с преступлениями нацистов, а также в решениях относительно действий пограничников ГДР, охранявших Берлинскую стену.

На самом деле, за «формулой Радбруха» легко заметить интуитивное право судьи либо гражданина, когда он замечает, что определенная норма официального права находится в резком противоречии с его интуитивно-правовыми убеждениями либо моральными принципами.

Таким образом, концепция естественного права Радбруха является еще одним подтверждением правильности психологической теории права.

Литература

1. Кленнер Г. От права природы к природе права / Г. Кленнер. — М., 1988.
2. Лукашук И. И. Международное право. Элементарный курс / И. И. Лукашук, Г. Г. Шинкаревич. — М.: Юристъ, 2000.
3. Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Т. I / Л. И. Петражицкий. — СПб., 1909.
4. Пустогаров В. В. Оговорка Мартенса — история и юридическое содержание [Электронный ресурс] / В. В. Пустогаров. — Режим доступа : http://krotov.info/lib_sec/13_m/mar/tens.htm.
5. Радбрух Г. Философия права / Г. Радбрух. — М.: Междунар. отношения, 2004. — С. 228–238.
6. Antonowicz L. Podrecznik prawa miedzynarodowego / L. Antonowicz. — Warszawa, 2006.
7. Aust A. Handbook of International Law / A. Aust. — Cambridge University Press, 2005.
8. Bierzanek R. Prawo miedzynarodowe publiczne / R. Bierzanek, J. Symonides. — Warszawa, 2005.
9. Stevenson L. Ten Theories of Human Nature / L. Stevenson, D. Haberman. — Oxford University Press, 1998.

Аннотация

Мережко А. А. Типология норм международного права в свете психологической теории права. — Статья.

В статье рассматривается типология норм международного права в свете психологической теории международного права. Автор, в частности, исследует такие виды норм международного права, как интуитивное и позитивное международное право, официальное международное право, а также императивные нормы этого права и естественное право.

Ключевые слова: теория международного права, философия международного права, психологическая теория права, нормы международного права, императивные нормы международного права, естественное право.

Анотація

Мережко О. О. Типологія норм міжнародного права у світлі психологічної теорії права. — Стаття.

У статті розглядається типологія норм міжнародного права у світлі психологічної теорії міжнародного права. Автор, зокрема, досліджує такі види норм міжнародного права, як інтуїтивне і позитивне міжнародне право, офіційне міжнародне право, а також імперативні норми цього права та природне право.

Ключові слова: теорія міжнародного права, філософія міжнародного права, психологічна теорія права, норми міжнародного права, імперативні норми міжнародного права, природне право.

Summary

Merezhko O. O. Typology of international legal norms in the light of psychological theory of law. — Article.

The article is devoted to the exploration of international legal norms' typology in the light of psychological theory of international law. Author, inter alia, considers such kinds of international legal norms as intuitive and positive international law, official international law, as well as peremptory norms of this law and natural law.

Keywords: theory of international law, philosophy of international law, psychological theory of law, norms of international law, peremptory norms of international law, natural law.

УДК 341.64

Н. А. Зелинская

«ОШИБКА В ЗАПРЕТЕ» ИЛИ «ОНЕМЕНИЕ СОВЕСТИ»? УРОКИ НЮРНБЕРГСКОГО ПРОЦЕССА

В послевоенном Нюрнберге 65 лет тому назад, 1 октября 1946 года, был оглашен приговор, которым впервые в современной истории были осуждены не нарушители, а создатели и исполнители государственных законов, обвинявшиеся в преступлениях против международного права. Важным итогом учреждения и деятельности Международного военного трибунала для суда над главными военными преступниками Второй мировой войны явилось создание автономного от национально-правового и приоритетного по отношению к нему международного уголовно-правового запрета. Это событие стало одним из основных этапов формирования нового международного правопорядка, его победой в борьбе с преступным «правопорядком» преступного государства.

Государство нередко устанавливает «правопорядок», придающий видимость законности грубым и массовым нарушениям прав человека, предписывая совершение тягчайших злодеяний и создавая тысячи соучастников этих злодеяний. В таком случае преступление проявляется, как правило, не в девиантном, а в конформистском поведении. Речь идет о преступлениях, с которыми государство не только не борется, а, наоборот, само их инициирует. Такие преступления совершаются по приказу правительств, ими поддерживаются или систематически укрываются. Это — «наднациональная» «макропреступность» [1]. Развязывая войны и осуществляя жесточайшие внутренние репрессии, руководители государств совершают широкомасштабные и систематические нарушения прав человека, придавая им видимость «легитимности». Международное право стремится к ограничению такой возможности, объявляя преступными и наказуемыми деяния виновных лиц.

Нюрнберг не только инициировал революцию в международном праве, но и затронул многие аспекты права внутригосударственного [2]. Использование юридической категории «преступление» для квалификации злодеяний нацистских лидеров привело к обращению справедливого возмездия в русло право-